

Новое российское образование: время созидать

Необходимо реализовать образовательное право каждого российского ребёнка

Юрий КРУПНОВ, председатель общественного объединения «Образовательное общество»

Курс — на колониальную школу?

Признаки деградации и запущенности образования, образовательной разрухи сегодня всем очевидны: оскорбительная заработная плата, старение учительского корпуса, низкое качество образования в большинстве школ, постыдная обветшалость зданий дидактической базы, ухудшение здоровья педагогов и детей.

В этой ситуации нет ничего вреднее симуляции действий, прикрывающих реальную образовательную политику. Симуляция не только окончательно дезориентирует общество — профессионалов и родителей, политиков и бизнесменов, но и крадёт у нации столь необходимое и столь ничтожно малое время, которое, возможно, ещё осталось у нас для того, чтобы сделать образование основой возрождения и развития страны, как это декларируется.

Вынужден утверждать, что все последние действия и мероприятия, вся так называемая «модернизация» — чистой воды симуляция улучшения российского образования. Эту точку зрения разделяют и люди, имеющие высокий авторитет в науке, образовании, промышленности и культуре, способные отстаивать свои принципы. Все они говорят о бессмысленности и недалёкости «реформ». Против них резко высказался глава Совета Федераций Сергей Миронов в ходе посещения МГУ 12 февраля этого года: «Активно насаждаемая сейчас реформа образования меня не устраивает. Реформаторы пусть реформируют другие области, не затрагивая фундаментальной школы». Против основных мер так называемой «модернизации» выступил Президиум Российской академии наук, проведший по этой проблеме специальное собрание. Против них выступают ректор МГУ Виктор Садовничий; известный математик, академик РАН В. Арнольд; автор многих учебников Ф. Шурыгин, который в строго математической манере показывает махинационный характер череды непрерывных «реформ» и «модернизаций» в российском образовании.

Ну а большинство профессионалов если и не выступает против них публично, то однозначно критикует смысл и направленность этой псевдореформаторской суеты. Общество начинает понимать, что симуляция могучей активности организована самой командой модернизаторов на высоком технологическом уровне. Во всех самых тиражных печатных изданиях и на телевидении — их соратники-революционеры, их безусловная поддержка и почти полное «оттирание» всех оппонентов. Да и зачем же команде выстрадавшие, правильные, глубоко профессиональные протесты и советы?

Академик В.И. Арнольд, придя домой после очередного общения с «реформаторами», пишет статью «Подготовка новой культурной революции», в которой задаёт вопрос: «Мне трудно понять, почему наша страна всё это терпит, доверяя руководство своей образовательной системой сторонникам такого мракобесия?..» Да только этот острый вопрос академика не идёт дальше Интернет-журнала «Математическое образование: вчера, сегодня, завтра...». В другой статье «Что ждёт школу в России?» (*Аналитическая записка*, декабрь 2001, http://www.meeme.ru/edu/index.php?ikey-viarn_analit) академик предупреждает: «Это (модернизаторство. — Ю.К.) — самоубийственная тенденция, которая приведёт к падению сначала интеллектуального и индустриального, а впоследствии — и довольно быстро — также и оборонного, и военного уровня страны». Итоговый вывод академика Арнольда: «...Подготавливается опасное преступление против традиционно высокого образовательного и культурного уровня России».

В чём же дело? Почему эти крики — обращения в никуда?

В то время как сфера образования в разрухе, высшие чиновники осуществляют грандиозную «мыльную оперу», симулирующую реформу-модернизацию-революцию образования ради исключительно внеобразовательных целей и задач. В пылу этой симуляции возникают бестолковые, не имеющие позитивного значения для восстановления и развития российского образования идеи-проекты типа ЕГЭ, ГИФО — фактических ваучерах, о которых очень взвешенно высказался «Российский экономический журнал» 2002, № 3, всё это под видом заботы об учащих, о компетенциях, конкуренциях и т.д. и т.п.

Все эти «меры» — продолжение той же самой концепции коммерциализации образования, которая была предложена коллективом во главе с Я. Кузьминовым в 1997 году. Но тогда поднялась вся образовательная общественность и на этих попытках сделать из «отсталого» образования «настоящий рынок» не оставили камня на камне.

Сегодня мы имеем дело со вторым изданием той же концепции, но уже в условиях правильно организованного кланом реформаторов захвата власти в нескольких ведомствах и в условиях полной поддержки кругом «теневых маршалов» в лице А. Чубайса и Е. Гайдара.

В основе той, 1997 года, и этой новой концепции лежит преследование исключительно внеобразовательных целей — упрощение массового образования и экономия на нём, непрофессиональное неразличение хозяйственно-торгового рынка XX века и образования как сферы социально-культурного развития. Последствия этой политики уже сегодня абсолютно ясны: воспроизводство социально-имущественного расслоения, организация кастовой системы, когда касте париев, которые составят большую часть населения, будут скармливать примитивный «минимум образования».

Всё это «освящается» бесконечными и по большей части недостоверными ссылками на некий «мировой опыт». Впрочем, определённый мировой опыт тут действительно есть.

Выдающийся японский государственный деятель Ясухиро Накасонэ, бывший премьер-министром Японии и 20 раз избиравшийся в японский парламент, в своей книге «Государственная стратегия Японии в XXI веке» резко выступает против такого рода мирового опыта, отражающего, с его точки зрения, колониальную политику: «Похоже, что реформаторы путают Японию с бывшими британскими колониями — Малайзией и Сингапуром!» (М., 2001. С. 208). Он поддерживает суждение общественного деятеля Японии Нисибэ: «В сегодняшней школе крайне актуальны проблемы распада классных коллективов, снижение уровня знаний, а поэтому появляются призывы «снизить нагрузки», кое-кто начинает настаивать на внедрении в образовательные процессы «принципов конкуренции» среди учащихся. Если же мы наконец осознали, что главной причиной возникших проблем является полный развал системы образования, то вряд ли кому-нибудь придёт в голову составлять теории, базирующиеся на популярной концепции «интернационализации» (Там же. С. 210–211). Это цитата по поводу образовательных реформ не в России, а в Японии. Но отражает она один «мировой опыт» — создание колониальных загонов, образовательных гетто и резерваций для «второсортного» населения России и других стран.

Я. Накасонэ вместе со своей страной пережил горечь поражения и прямой колонизации: «...Япония и Германия были вынуждены пойти по пути «самоотрицания». Когда после войны в Японию с целью разработки Основного закона об образовании прибыла группа американских экспертов, к участию в дискуссиях с ними были привлечены учёные, стоявшие на позициях абстрактного идеализма, пацифизма, а также юристы и специалисты в области педагогики, являющиеся сторонниками идей Дьюи. Среди них не было ни одного историка, возможности высказаться лишены были специалисты в области культуры — сторонники сохранения национальных традиций. Это стало причиной ущербности действующего Основного закона и общей безоговорочной капитуляции в области образования. Возобладала пораженческая идеология: «Лучше хлеб, чем оборона или образование»...» (Там же. С. 207).

Сегодня в России симуляция деятельности оказывается прикрытием курса на колониальное образование. Так, может, и нам, России, признать своё поражение в третьей «холодной» и четвёртой мировой войне?

Но признавать поражение и не хочется, и пока рано. У нас ещё есть очень хороший в

своей основе Закон «Об образовании», осталось ещё немало порядочных людей и в образовании, и ввне его, которым судьба России и образования глубоко не безразлична.

Кому, зачем и какое образование нужно?

Без ясного и убедительного ответа на эти вопросы невозможна образовательная политика: ведь она определяет, какого человека, какое общество, какую государственность и какой мир созидает, образует сфера образования.

Сегодня во всём мире наблюдается невиданное социально-имущественное расслоение. «Север» и «Юг» как символы развитости и дикости разводят между собой не только группы стран, но и разные слои населения почти во всех странах мира. Даже в США устойчивое и благополучное население составляет не более 20 процентов. А не менее 20 процентов являются крайне проблемным как с экономической, так и с социальной точек зрения. Выдающийся английский государственный деятель XIX века Бенджамин Дизраэли так описывал подобный феномен: «Две нации, между которыми нет общения и нет симпатий. Они так же мало знают о привычках, мыслях и чувствах друг друга, как... жители разных планет. Они по-разному воспитываются, по-разному питаются, придерживаются разных обычаев, ими управляют не одни и те же законы. Богатые и Бедные».

Чудовищное расслоение на две нации внутри одной страны произошло в России в результате «реформ». Причём богатство и бедность уже не единственные параметры, речь идёт о расслоении на противоположную статусность, престижность, что вместе с финансово-имущественным неравенством делит население и детей на «перспективных» и «неперспективных». Фактически у нас сегодня существуют две несообщающиеся нации-касты, одна из которых объединяет отверженных и составляет не менее 80 процентов населения, а другая — 10–15 процентов. Эти две нации-касты и составляют социально-культурно-политическую «двухэтажную» Российскую Федерацию.

В этой ситуации возможны всего два принципиально разных образования.

Первое — **колониальное**, системно примитивизированное и пораженческое. Оно не только закрепляет возникшее расслоение, но и выступает орудием его воспроизводства. Массовая система для «массы населения» в этом случае должна формировать некоторые низовые умения и навыки (по-модному «компетенции»), чтобы люди были элементарно социализированы («законопослушны») и могли элементарно трудиться (хотя бы на своих 6 сотках). А для тех, кто имеет дополнительные финансовые и административные возможности, образование попросту не выстраивается, а предлагается в виде отдельных частных школ за границей и внутри страны. Будет при этом создаваться ещё и «третий» сектор — для одарённых детей, поскольку заграничным и туземным хозяевам одарённость нужна для повышения рентабельности «человеческих ресурсов», — так отчего же не создать питомник для утилизации нужных в данный момент талантов?

Второе образование — **новое российское образование**. Оно предполагает развитие сферы образования и непереносимое воспроизводство ключевых характеристик лучшего нашего опыта. Оно должно давать детям не только качественные ЗУНы (знаменитые советские «знания, умения, навыки»), но и вводить их в высшие способности понимания, воображения, мышления, моделирования, проблематизации как фундаментальное условие создания крепкой российской государственности, развитого общества, и возвращения каждого без исключения хорошо образованного российского ребёнка.

Я утверждаю (и пусть это утверждение опровергнут высокие чиновники): сегодня строится колониальное образование, поскольку все без исключения практически действия правительства и Министерства образования — прямая дорога к закреплению системной деградации российского образования, превращению нынешнего антинародного по существу образования в окончательную норму нашей жизни. Уже сегодня итогом этих действий стало фактическое превращение образования в систему воспроизводства не всемирной истории и культуры, не российской тысячелетней традиции, а невиданного социально-имущественного

расслоения, воспроизводства двух антагонистических каст — международных воров и компрадоров и «человеческой массы низкого качества». Именно так гуманистически и по-научному изящно называет эту вторую группу населения начальник департамента социального развития аппарата Правительства Российской Федерации Евгений Гонтмахер. В статье «Хватит ли у России «человеческого капитала?»» (Московские новости, 2002, № 4) второе по чиновной иерархии лицо рассуждает: «Что с высокой долей вероятности произойдёт уже через несколько лет? Ведь для обеспечения долгосрочного экономического роста потребуются трудовые ресурсы с вполне определёнными качествами... Чудес, скорее всего, не случится. Скорость нарастания кризиса «человеческого фактора» значительно быстрее скорости обновления основных фондов нашей экономики.

Но даже если инвестиции польются рекой уже завтра, то сразу же обнаружится, что на многие рабочие места не найти людей нужного образования (особенно профессионально-технического и управленческого) и состояния здоровья.

Кроме того, настоящая структурная перестройка экономики, помноженная на ожидаемые эффекты от вступления в ВТО, сделает безработными, по моим оценкам, не менее 10–12 миллионов человек, занятых сейчас на нежизнеспособных и неконкурентоспособных предприятиях. Это абсолютно неизбежное и необходимое действие потребует от государства выделения значительных средств на адаптацию такой человеческой массы к новым реалиям. Это станет дополнительным фактором, препятствующим быстрому росту общественной производительности труда».

Таким образом, Е. Гонтмахер делает однозначный вывод: во-первых, незачем инвестировать повышение производительности труда и обновление основных фондов, т.е. науку, образование и промышленность, которые и определяют производительность и фонды; во-вторых, своих «доброкачественных» человеческих ресурсов нет, значит, нужно привлекать со стороны — как из СНГ, так и из дальнего зарубежья: «И нам стоит рассмотреть вопрос о привлечении в Россию на постоянное место жительства и не русскоязычных. Так формировалось население США, Канады, Австралии, ряда стран Западной Европы... Нужно думать и о квотированном привлечении людей из таких регионов дальнего зарубежья, как Средний и Дальний Восток, Юго-Восточная Азия с одновременным ужесточением политики в отношении нелегальных мигрантов».

Для такой политики никакого нового российского образования как образования мирового уровня и качества попросту не нужно. В конце концов, завезём китайцев и африканцев...

Спорить с Е. Гонтмахером и подобными ему организаторами «социального развития» нет смысла: разве им докажешь, что Россия — не Америка, не Канада, не Австралия? Впрочем, и сами они так считают: ведь не говорят же о «квотированном привлечении» из США, Германии, Великобритании. США и Канада формировались как «плавильный котёл», привлекая мировую интеллектуальную и профессиональную элиту. Атомную бомбу, ракеты и самолёты в США сделали не мигранты из Африки, а самая передовая научная элита Германии, России, Великобритании.

Совершенно очевиден и стратегический замысел люмпенски-бессовестной «элиты»: окончательно утвердить Россию в качестве страны непервого мира. Мы имеем дело с «плановиками-реформаторами», цель которых в гуманном истреблении лишнего населения «низкого качества». Для них, составивших единый госаппаратный клан «социального развития», никакое иное, кроме убогого колониального «образования», не нужно. Для этих господ люди и дети — огромная обуза, которая мешает их яростному стремлению построить «отсталую» и «неразвитую» Россию в «мировую развитую цивилизацию».

А что нужно нам?

Нам нужно

Новое российское образование

От школы сегодня зависит, какой тип поколенческого программирования мы будем осуществлять, какое реально поколение и какая элита получится: поколение образованных, ответственных за страну людей или «Generation Эгоист» («Поколение Эгоист») — таковы интенсивно продвигаемый сегодня брэнд и толстенный массовый журнал, обозначающий, безусловно, направление определённого поколенческого и политического программирования).

Образование нового российского поколения, которое восстановит Россию в качестве мировой державы, — вот та миссия, то призвание, ради чего необходимо проектировать и строить новую российскую школу. Сделать это позволит последовательная реализация выдающегося завоевания советско-российской педагогики — деятельностного подхода, который пронизывает всю историю теории и практики российской педагогики.

Уже в середине XIX века основатель педагогической антропологии К.Д. Ушинский сформулировал идею свободной деятельности как фундамента образования: «...Свободная, излюбленная деятельность одна способна удовлетворить требованию души человеческой и дать ей тот мир, которого она так жадно ищет...»

В советское время глава Московского методологического кружка, создатель метода организационно-деятельностной игры Г.П. Щедровицкий и академик РАО В.В. Давыдов заложили фундамент деятельностного подхода в образовании. Сегодня в мире нет ничего технологически равнозначного деятельностному подходу советско-российского производства.

Воспитание человека средствами деятельностного подхода — таковой мне видится формула новой российской школы. Новая российская школа должна стать школой персонального образования, важнейшая задача которого — **способствовать строительству персоналистской цивилизации** (см. мою работу «Практика персонального образования», опубликованную в Интернет-журнале «Лучшая школа» — <http://www.personaledu.narod.ru/>).

Только такая задача, с моей точки зрения, позволит российскому образованию не скатиться окончательно в новозастойное болото и не стать безысходно провинциальным, периферийным по отношению к мировому уровню.

Сегодняшняя жизнерадостная примитивизация и провинциализация российского образования не просто преступна, но ещё и смешна.

«Здрав штаны», бежать уже не за «комсомолом», а за людьми с невежественными лозунгами — разве не смешно? Оказаться сапожниками без сапог в сфере образования в стране Ушинского и Макаренко — разве не смешно?!

Впрочем, даже не смешно. Это пошло.

Понятие «образования» исходно в русском языке употреблялось с обязательным дополнением: образование чего? То есть необходимо термин «образование» понимать не ведомственно и не только в качестве общего понятия сферы деятельности, но и как делание по конкретному образу и подобию, как органичное и осмысленное нормирование. Именно так понимали образование в конце XVIII — начале XIX века, когда писали в государственных документах, в частности, в Указе Правительствующему сенату «Об устройстве народных училищ» (январь 1803 года): «нравственное образование», «образование нравственности», «образование ума».

Н.М. Карамзин в 1803 году писал в статье «О новом образовании народного просвещения в России»: «Новая великая эпоха начинается отныне в истории нравственного образования России, которое есть корень государственного величия и без которого самые блестящие царствования бывают только личною славой монархов, не Отечества, не народа...» (Вестник Европы, 1803, № 5. С. 49–61).

Личность на современном уровне теории и практики педагогики возможно образовывать только путём её включения в общение с другими в специально организуемых пространствах. Сам учитель или специально приглашаемый для диалога с детьми человек должен в этом пространстве действовать как яркая личность, делать предмет образовательной деятельности детей и взрослых произведениями духа. Кстати, именно поэтому систематическая

учебная работа с классическими произведениями и выдающимися открытиями отличает школу мирового уровня и качества образования от десятиразрядной местечковой.

Сегодня примерно понятны те личностные силы, взращивая которые возможно выстраивать каркас и фундамент, говоря по-современному, инфраструктуру личности: это высшие способности понимания, воображения, мышления, идеализации, проектирования и т.д.

О необходимости чётко выделять высшие способности Л.Н. Толстой в русле критики современной ему школы: «То странное психологическое состояние, которое я назову школьным состоянием души, которое мы все, к несчастью, так хорошо знаем, состоит в том, что все высшие способности — воображение, творчество, соображение — уступают место каким-то другим, полуживотным способностям — произносить звуки независимо от воображения, считать числа сряду: 1, 2, 3, 4, 5, воспринимать слова, не допуская воображению подставлять под них какие-нибудь образы; одним словом, способность подавлять в себе все высшие способности для развития только тех, которые совпадают со школьным состоянием, — страха, напряжения памяти и внимания». (*Толстой Л.Н.* Педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1989. С. 62).

С помощью выращивания высших способностей и появляются условия для образования личности. Освоение высших способностей и отличает эгоистического индивида от личности. Именно высшие способности и должны составить принципиальное созидательное приращение к советской школе.

Итак: основа новой российской школы должна состоять в том, чтобы вводить детей не только в качественные ЗУНы, но и в высшие способности понимания, воображения, мышления, идеализации, моделирования, проблематизации как фундаментальное условие образования российской личности, государственности, общества и мира.

Созидание, столь редкое сегодня, невозможно без определённой образовательной логики.

Образовательная логика или ликвидационная?

В чём только ни обвиняли все эти годы советскую школу! «Школа тоталитаризма», единообразное чудовище, калечащее детей, и пр. и пр. Многократно и хлётко критиковали её и разрушали. А что создали взамен? Ничего. Ломать — не делать...

Логику, которая строится на идее разрушения, простого слома как прогресса, я называю ликвидационной. Суть её прекрасно выразил известный юморист: если у вас болит голова — отрубите её и боли как не бывало.

Ликвидационной логике противостоит образовательная, по которой предпринимаемые действия ведут к воспроизводству и развитию того, что есть. В последние годы, к сожалению, безраздельно царствует ликвидационная логика.

Вот уже цитируемый выше Е. Гонтмахер рассуждает о главных целях «экономических реформ» — о структурной перестройке и о вступлении в ВТО: «Настоящая структурная перестройка экономики, помноженная на ожидаемые эффекты от вступления в ВТО, сделает безработными, по моим оценкам, не менее 10–12 миллионов человек... Это абсолютно неизбежное и необходимое действие».

Чувствуете цель: нужно проводить «настоящую структурную перестройку», чтобы в итоге сделать (он так прямо и пишет: «сделать»!) 10–12 млн человек безработными. Прекрасный образчик ликвидационной логики. А о том, как сделать людей работными, этого он не знает и знать не хочет. Для этого необходимо пользоваться логикой образовательной, для которой нужны ум, совесть, честь, постоянное напряжение и гигантская ответственность. Зачем напрягаться, создавать, образовывать новую работу, новые рабочие места? Гораздо проще — производить безработных...

Совхозы и колхозы не эффективно работают? Значит, надо их целенаправленно разрушать. В результате происходит резкая деградация деревень, почти все они становятся «не-

перспективными», люди из села бегут, кубанские и воронежские чернозёмы зарастают амброзией... Детей меньше рождается, школы ветшают.

В соответствии с логикой ликвидационной надо потихоньку сельские школы закрывать, а детям дарить «школьный автобус», который будет их свозить в центральные усадьбы, а через какое-то время, очевидно, — и в районные центры.

Разумеется, правительственные и ведомственные решения нигде не пишут о курсе на ликвидацию сельской школы и об уничтожении уникальной и, пожалуй, лучшей в мире сети школ. В документах пишется о «реструктуризации» и прочих мудрых процессах государственной важности.

Упало качество образования, снижается профессионализм учителей, нет возможности ездить на курсы, покупать книги и даже методическую литературу. Что делать?

По ликвидационной логике — сокращать объём знаний, снижать требования к образованию, сокращать часы на основные предметы. Это и есть центральная, ключевая линия современных «модернизаций» и «реформ».

К примеру, министр Владимир Филиппов, выступая недавно по радио, сказал, что «по социологическим опросам около 40 процентов детей не любят литературу как школьный предмет». И сделал вывод: надо сокращать количество часов на литературу и упрощать её преподавание. Не повышать профессионализм учителей, условия их жизни и работы, не улучшать методики, которые помогли бы полюбить литературу, а уменьшать, сокращать, упрощать, т.е. ликвидировать, делать шаг назад.

Вот что пишет по этому поводу выдающийся деятель советской и российской культуры, директор Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) Николай Николаевич Скатов: «Опросили детей об их отношении к Достоевскому, Чехову. В вопроснике были позиции: «не знаю», «не читал», «не нравится» и т.д. 40 процентов опрошенных ответили по этим авторам: «Ненавижу!» Представляете?! Вот что получается, когда заставляют читать насильно. Во-первых, есть и другая статистика, по которой литература всё же остаётся любимым предметом, словесник — любимым учителем. Во-вторых, литература есть обязательный учебный предмет, а не развлекательное чтение. Требующий усилий, напряжения и ответственности. Странно было бы настаивать на отмене, например, математики только потому, что, скажем, пятьдесят или более процентов учеников её «ненавидят». А допросите-ка студентов-«технарей» об их отношении к сопромату. Очевидно, о «ненависти» к нему заявит абсолютное большинство. Так, может быть, отменить этот предмет, чтобы не насиловать обучающееся юношество?...»

Сверхзадача «реформ», «модернизаций», «реструктуризаций», которые из года в год, из месяца в месяц добивают и уничтожают российское образование и школу, — ликвидировать образовательную логику и образовательное культурное усилие.

Наш министр образования заявлял в интервью, что только 60–70 процентов выпускников вузов устраиваются на работу по специальности, и делал логический, с его точки зрения, вывод: сокращать эти специальности, по которым выпускники сегодня не работают.

Следуя этой логике, делаем такой вывод: раз сегодня не нужны специалисты по авиации и космосу, а на банщиков и массажисток огромный спрос, то закроем все эти «невостребованные» специальности и переквалифицируем студентов МИФИ, МФТИ на востребованных массажистов.

Реформаторы «орфографии русского языка» из РАН в основу своей «реформы» также кладут ликвидационную логику: раз стали делать больше ошибок — надо резко упростить правописание, сделать ошибки нормой.

И ни одному из этих киллеров правописания и в голову не приходит то, что, к примеру, увидел очень авангардный и раскрепощённый современный писатель В. Сорокин: «Языку учить надо, а не упрощать его» (Коммерсантъ, 2000, 1 сент.).

А вот академик В. Костомаров блестяще срамит носителей образовательной логики: «Когда ошибка становится массовой, она перестаёт быть ошибкой и превращается в новое правило» (Российская газета, 2001, 13 февр.).

Чувствуете величие ликвидационной логики? Какая перспектива! К примеру, если у нас ещё случится несколько Чернобылей (не дай Бог!) в результате повторения ошибок Чернобыля-первого, то волноваться не надо, надо всего лишь превратить взрыв энергоблоков на ядерных станциях в новое «правило».

Страшный пример того, когда ликвидационная логика побеждает образовательную, демонстрируют наше правительство и образовательное ведомство, предполагая в ответ на ожидающееся резкое сокращение детей закрывать школы и сокращать учителей. Зачем нам столько учителей и ученических мест, классов, если количество детей уменьшается? Этот пример ликвидационной логики должен войти во все учебники и одновременно, убеждён, в виде искового заявления — в Конституционный суд.

Вдумаемся. За этой так называемой демографической «ямой» последует достоверный подъём и, если страна всё-таки решится жить, для тех детей снова нужны будут классы, учителя, ученические места и школьные здания. Уже только по этой причине любые ликвидации и сокращения, очень мягко выражаясь, непродуманны. Закрыть школу легко — росчерком пера делается, а вот открыть новую школу — совсем другое дело...

Но за этим лёгким решением стоит и элементарное стремление сэкономить на образовании и его качестве. На наших отцах и дедах мы уже здорово сэкономили, назвав их «бюджетной нагрузкой», «бременем бездефицитного бюджета», обобрав их сберкнижки, предав их организованно, как в лучших нацистских лагерях смерти, отправив их с большим опережением помирать от бедности и безлекарствия.

Теперь «стратеги», модернизаторы от имени страны и всего населения собираются сэкономить уже на детях. Вместо того чтобы в рамках образовательной логики, использовать возникшую возможность для резкого повышения качества снижением нагрузки учителя до приличных 15–20 часов, высшие чиновники радуются возможности «экономить» и представляют эти ликвидационные планы как эффективные управленческие стратегии.

Надо ясно понимать: если мы будем жить по ликвидационной логике, если не противопоставим ей образовательную, то на достойном будущем и перспективе большинства российских детей можно ставить жирный крест.

Образовательное право: реальность или декларация?

Как же должно выглядеть новое российское образование, сколько оно будет стоить? И реально ли дать его каждому российскому ребёнку?

С моей точки зрения, это и возможно, и жизненно необходимо. Иначе мы потеряем страну, нашу Россию, лишим счастья наших детей и внуков, которые в мире будут чувствовать себя изгоями, людьми второго сорта, париями, которых предали и бросили отцы и деды.

Но чтобы пойти по пути создания нового российского образования, нужно кардинально изменить **ту отправную точку, с которой начинается образование XX века.**

Такой отправной точкой и принципом нового российского общества должно стать незыблемое право каждого человека на образование. Неотчуждаемое фундаментальное право. Его я предлагаю назвать образовательным правом личности.

Если это образовательное право сделать принципом организации общественной жизни в России, то в Конституции страны и должно быть отражено, что каждый без исключения человек рождается как носитель личности и её наивысшее образование — фундаментальная совместная задача человека и его семьи, родных, общества, государства.

Личность — это то, что поможет человеку творить себя по образу и подобию Божью, создавать прочную семью, государственность, нравственное, духовно богатое общество. И это само творчество человека обеспечивается высшими способностями понимания, мышления, воображения, проблематизации.

Фундаментом новой российской школы и должна стать идея о том, что образование — средство развития российской личности, причём каждого без исключения российского гражданина, государственности, общества.

Эта идея не нова. В документе, посвящённом развитию российского образования — в «Концепции развития образования» 1988 года, созданной в рамках ВНИКа «Школа» Госкомитета СССР по образованию, содержался ключевой тезис о «новом образовании как развитии личности, общества и государства».

Если мы поставим в центр нового российского образования идею образовательного права каждого без исключения российского ребёнка и гражданина, то это станет принципиально новым социально-политическим подходом к общественному развитию, принципиально новой цивилизацией и формации. Это окажется и альтернативой идее прав человека (human rights), превращённых в оружие глобализации и построения мировой империи.

Где взять деньги

Встаёт вопрос: где взять денег на строительство нового образования, когда всем известно, что «денег нет!». Их не будет, пока наша элита не перестанет проедать кредиты Мирового банка и ждать двух невозможных вещей: появления заметных иностранных инвестиций в производство и экономического роста «самого по себе». Наша элита (а это всё экономисты), видно, так и не сумеет понять, что всегда и везде экономический рост и развитая экономика — прямое следствие повышения образованности и достоинства населения, его личностного потенциала. Наша элита ждёт в разрушенной и униженной стране, когда накопим, а потом, возможно, будем вкладывать в образование и в человека. И при этом ссылается на «мировой опыт».

«Народ Тайваня всегда придавал первостепенное значение образованию. Одна из статей прежней Конституции гласила, что расходы на образование, науку и культуру должны быть не менее 15 процентов от общего бюджета Центрального правительства... Фактические ежегодные бюджетные ассигнования, направляемые на образование и культуру, намного превышают эту цифру», — писал в 1999 году президент Тайваня Ли Дэнхуэй в своей книге «Позиция Тайваня».

Вот он подлинный мировой опыт, достойный подражания. Поэтому если мы будем продолжать покорно слушать нашу фиктивную элиту, которая не знает, что такое позиция России, то окончательно потеряем образование и страну.

Сегодня в Российской Федерации расходы на образование составляют не более 4 процентов от общего бюджета и не более 3 процентов от ВВП. Но надо учесть, что соотношение бюджета и общего — фактически теневого — оборота средств составляет в Российской Федерации не менее 50 процентов т.е. реальный процент расходов на образование, который хоть как-то можно сопоставлять с бюджетной бухгалтерией Тайваня, — не более 2 процентов. Это всё же не ниже, чем в Африке, хотя несколько ниже Латинской Америки.

Денег в стране — в избытке. Именно поэтому за последние семь лет по самым скромным подсчётам из России вывезено не менее 130 млрд долларов. Поэтому вопрос не в количестве денег, а в том, **кому они реально принадлежат и куда направляются, во что инвестируются.**

Наш «главный электрик» А.Б. Чубайс по главному телеканалу страны в открытую, с пафосом и напором заявил: мы, мол, отключаем электричество за неуплату, поскольку энергетики не должны страдать от наглости потребителей электричества. С нахрапом и неподдельным возмущением в голосе он вопрошал: «Что, у меня люди должны получать зарплату на 20–30 процентов меньше от положенной?»

Средняя реальная зарплата электриков сегодня раз в пять больше, чем у работников сферы образования. Получается, что образовывать, «выращивать» личность — фундаментальную основу богатства страны — в пять раз менее квалифицированная и важная работа? Член правления РАО «ЕЭС России», правая рука Чубайса, Андрей Трапезников, поясняя небольшой официальный размер месячной заработной платы генерального директора дочерних компаний РАО (а это «всего» 17 тыс. рублей), с обидой жалуется: «...за такие деньги квалифицированный менеджер работать не будет» (Газета, 2002, 5 июня).

Вот так. Для тех, кто разрушил страну, построен капитализм в отдельно взятых правлениях и АО. А для образования ничего подобного не предполагается — не заработали... Да, видно, и «массы населения» тут «низкого качества» — квалификации не хватает...

Директор отличной московской школы получает в год самое большое 2–3 тыс. долларов. Директор сельской школы — гораздо меньше. Рядовой же директор правления РАО «ЕЭС России» не менее 150 тыс. долларов (реальные цифры охраняются тут строже любой гостайны).

Поскольку РАО является компанией с полным государственным контролем, то получается, что государство труд Трапезникова ценит раз в 50–70 больше, чем труд директора школы. В такой ситуации откуда же взять денег на развитие образования?

Кормится Запад от нашего компрадорского слоя, который вывозит «доходы» и добивается от Президента РФ государственных гарантий по абсолютно неконтролируемому вывозу капитала из страны.

Огромное количество учёных и выпускников вузов, которые получили образование за счёт СССР, наших с вами налогов, уезжают из страны, и Россия, по выражению Жореса Алфёрова, становится «образовательным придатком». А те, кто обобрал страну и уничтожил её средний класс, основа которого — учителя, врачи, высококвалифицированные рабочие, учёные и инженеры, те, кто разгромил народное образование, кого само слово «народное» приводит в бешенство, те сегодня льют крокодиловы слёзы по поводу горькой судьбы российского учителя.

Не надо жалеть образование! Оно — не побирушка на паперти. Это главная сфера восстановления и развития страны. Поэтому необходимо не клянчить, а требовать перераспределения воруемых ныне средств в пользу образования.

Есть и ещё одно очень важное обстоятельство. В условиях, когда без конца говорят о нехватке денег, никто не предлагает неденежные активы — недвижимость. Необходимо требовать передачи в вечное пользование всем образовательным организациям зданий и земли вокруг них, а также дополнительных участков земли — особенно сельским школам.

Если в стране ещё остались силы на то, чтобы не сдавать национальное образование, то необходимо сегодня отбросить все бессмысленные, а чаще — просто вредные нововведения последних трёх лет (так называемую «модернизацию») и приступить к строительству нового российского образования как образования мирового уровня.

Очевиден каркас нового российского образования и новой российской школы. Цель — наивысшая реализация образовательных прав каждого гражданина. В основе новой российской школы — принцип приоритета личности и взращивание её способностей.

Очевидны также ключевые пункты строительства нового российского образования:

1. Определить в качестве доктринальной задачи страны и сферы образования достижение к 2015 году образования высокого качества каждого российского ребёнка.

2. Восстановить прямые государственные обязательства за образование каждого российского ребёнка (систему всеобщего образования).

3. К 2005 году обеспечить всеобщее высшее образование.

4. Довести к 2005 году общие расходы на образование до 10 процентов ВВП, повысить заработную плату всем педагогам до 7 тыс. рублей на основе введения федерального двухпроцентного образовательного налога, образовательного фонда с экономической ренты, ввести полную образовательную автономию, когда любые затраты на образование полностью исключаются из налогообложения и иных фискальных действий.

5. Кардинально повысить статус сферы образования, создать принципиально новое Министерство образования, объединяющего науку и образование с организацией опережающего промышленного развития.

Единственный путь противостоять деградации — создавать в ближайшие десять — двадцать лет лучшую в мире российскую школу.

Каким мужем и отцом, работником, профессионалом, защитником Отечества станет сегодняшний подросток или молодой человек, начинающий день бутылкой пива и заканчи-

вающий его двумя? Какой матерью и женой, какой опорой семьи будет сегодняшняя девица, потягивающая пиво и позволяющая слюнявить себя сексуально озабоченному юнцу на виду у всех?

Каков будет личностный потенциал нового поколения?

Россия имеет все шансы не стать проигравшей на мировой арене. Но для этого она должна своим приоритетом сделать **восстановление и наращивание личностного потенциала**. Это под силу только новой школе, новому образованию.

Но для этого надо прекратить симуляцию реформаторско-модернизационной деятельности и заняться делом. Если не захочет сделать это руководство страны, высшие официальные чиновники, то это должна делать сама образовательная общественность — создать совет по программированию будущего России как минимум на 40–50 лет, на период жизни двух поколений и при нём общественное Министерство образования, науки и промышленного развития. Такое министерство могло бы стать со временем новым Госпланом, программирующим новые поколения, конкретное будущее России.